
...И все ближе развязка. Предчувствует бездну душа.

Подловив поколение на сладкий крючок барыша,

зверь уже закрутил свой сюжет от Москвы до Нью-Йорка.

А в партере зевают, фольгой откровенно шурша.

И, устав понимать, помирает от смеха галерка.

В первом акте бы все завершить, где в кожанке начпрод

строит светлое завтра, и ражий квасной патриот

по сравненью с борцом за свободы из третьего – душка.

А в последнем на сцену, как водится, выйдет народ,

чтобы твердь сокрушить. Ох, поплачет над сыном старушка!

Затаиться бы где, затеряться б... но, как ни юли,

и в сермяжной глубинке, спасенье купив за рубли,

не уйти от времен, ни юродствуя, ни лицемеря...

Даже те, что – как дети, смеясь, отпадут от любви,
возлюбивши из бездны на свет выходящего зверя.

Тяжко ночью горячей, как рыба, бился без сна,
от волшебного смеха девиц пряча слух в одеяло.
Даже полной луны заплывавшая в окна блесна,
как увлечь ни старалась, за сердце никак не цепляла.

Понимая, что жизнь мимо звонким бежит ручейком,
даже твари ничтожной давая от пуза напиток,
не ходил к водопою, упрямец, а, лежа ничком,
в глубь себя заглянув, до утра морщил лоб, как тупица.

А ведь мог бы в рубахе цыганистой, выпятив грудь,
из себя под гитару фальшивую строя Карузо,
до утра вдоль аллеи Марусю какую-нибудь
за живое хватать... В общем, жизнью питаться от пуза.

Может, было и лучше бежать на дурашливый смех —
в развеселых бесчинствах тонуть, словно в омуте черном,
чем копить в себе молча печаль потаенную, сверх
той, что Богом отмерена всем, на любовь обреченным?

Может, стоило... но говорить-то что толку теперь
про какие-то там на аллее с Марусей кадрили,
здесь тому, кто во мраке глазами сверкает, как зверь,
и никак не вмещает, к чему его приговорили...

Москва

Гнутые березки вдоль болот, лютое, надвинутое небо
и тропы безвольный поворот в сторону, где истины не треба.
Холод отчуждения полей, рощи глушь, запретная, как зона,
и воспеть все это соловей сияющий с удалью Кобзона.

Вот тебе родимые места, Птица-тройка вот тебе лихая!
Над землею гиблой ни креста, ни кола, лишь вышка вертухая,
словно воплощенная тоска... А вдали, как родина другая,
праздная куражится Москва, рожей басурманскую пугая.

Родину по матери послав, смотрит на поля да на болота
царства Вавилонского анклав как баран на новые ворота.
Тот ли все падеж и недород? Так ли все путем кривым да узким
к свету пробивается народ, бывший на земле когда-то русским?

Денежки бюджетные пиля, ставит свечи перед образами...
Русская на кой ему земля, пьяными умытая слезами?!
Корчащийся Лазарем в пыли, сей народ, гробам хранящий верность?!
Что ему шестая часть земли?! Так, Луны обратная поверхность...

Какая там птичка! Скорей – допотопный медведь,
в котором чем громче желанье, тем совесть все глуше...
За сердце берущий?! Скорее, за горло, заметь,
всех этих, в тенистой аллее развесивших уши.

Всех этих, готовых хоть дьяволу душу продать
за сладко саднящее сердце словечек созвучье,
за тихую таять в объятьях стиха благодать,
за счастье не чувствовать в вычурном нечто паучье...

Есть что-то в цветущей сирени от крика сирен
и тлена, когда ты уже не истец, а ответчик,
когда все страшнее бессмертной души совершен
разменивать ночью на грязную мелочь словечек.

Какая там птичка! – в темнице томящийся зверь,
которому воля все реже за давностью снится,
которому больно не значиться здесь и теперь,
пусть даже он там будет больше, чем вольная птица...

Просто закроюсь в дому,
горько так губы кривя.
Век выбирает, кому
нынче пустить бы кровя.

Молча в себе затаюсь,
зная, что не убережешь
ни уходящую Русь,
ни настоящую речь.

Не вопросительный знак —
точка. Закончен роман.
Все будет именно так,
как предсказал Иоанн:

с кровью смешается грязь,
и неизбежно, поверь,
из человека, гордясь,
выйдет законченный зверь.

Раньше полечь бы костями,
ибо так страшно потом
вымолвить: — Лучше казни,
только не делай скотом.

Лучше в хлеву задуши,
только от счастья уволь
Бога забывшей души
больше не чувствовать боль.

Тихие времена,
в смысле истории — штиль.
Булнина и Ильина
мальчик несет в утиль.

Что ему связь времен?!
Жертвенность что ему?!
Вынести мусор вон
и утопить Муму.

После чуть-чуть курнуть
или вколоть слегка,

чтобы поднять тут муть
и развести лоха.

Площадь метет Платон,
топит котел Сократ,
офисный ест планктон
своей овощной салат,

слово сводя на нет...
Это ль не самый смак:
выключив правды свет,
жить, умножая мрак?!

Жить, умножая зло,
срока мотая нить,
если не повезло
в сих временах не жить...

Вот теперь и свершается все, что писал Богослов
для таких вот, как ты, в жизнь упрямо влюбленных ослов,
гордо мнящих себя здесь не глиной, а чем-то иным,
разрывающихся между горним в себе и земным.

Нелегко отцепиться тому, кто приписан уже,
даже если попугчик он иль подпоручик Кижэ.
Это подлое время и город над вольной Невой,
подловив, повязало системой своей корневой.

И в саду с Аполлоном, и возле Ростральных колонн,
даже в зале колонном ты связан, как Лаокоон,
и не больно так душу твою пьет унынья паук,
равнодушно иглой протыкая, как доктор наук.

Молодцу-страстотерпцу мяско подавай, а не snyть,
молодится старуха, ища здесь, кого совратить,
правды знать не желает ни голь записная, ни знать...
И антихрист глядит, не идут ли на царствие звать.

Мальчишки запускают самолет:
смех озорной и крики бабы вздорной.
Из рук подкрылки вырвутся вот-вот!
Бензином пахнет дым... и вдруг пахнет
в лицо восторгом воли беспризорной.

Под небом без обеда дотемна –
не больше ль жизни это проживание
всех этих, в ком – ни капельки ума?
Когда еще изрежет лик сурьма
и форму одолеет содержание...

Когда еще, уж больше не храним
Архангелом, их мир, в огне желаний
сгорев догла, рассыплется, как Рим,
когда еще судьба навяжет им
свою игру и скрутит в рог бараний.

Пока ж они все знают наперед,
и все у них сбывается, как в сказке.
...Привязывают к леске самолет
и с криком отпускают. И поет,
поет душа, не ведая развязки.

Под кирзовый сапог имперского колосса,
отрезанный ломоть с ухмылкой наглеца,
какая власть тебя влечет, как под колеса,
пока на всех вокруг от страха нет лица?

По нашим временам бесстрашия не нужно
войти в себя и там гасить бесшумно свет...
Но вдруг покинуть зал, когда фальшивит дружно
оркестр, что навязал вам аккомпанемент?!

Тамбовских злых волков лохматая порода!
Какие жгут тебя словечки изнутри,

когда в окрестной мгле от имени народа
мартеновских печей лютует попури?

Когда они горят представить в нужном свете
народам суть вещей, что лезешь ты под нож,
как родиной своей обманутые дети,
которым смерть не так мучительна, как ложь?

Ушел бы ты в себя – что пыжиться в гордыне?! –
покуда этот век, карманника ловчей,
всю душу из тебя в каком-нибудь Надыме
не вывернул под смех румяных сволочей.